

Отсюда стихийно диалектическое решение вопроса о подражании образцам. И в этом случае, казалось бы, мы знаем, существовали диаметрально противоположные точки зрения: нужно следовать образцам, и нужно следовать одной природе. Но при обсуждении «древних и новых» подражание воспринималось не как рабское копирование образцов, а как создание нового в соответствии с духом времени, с историей, нравами и обычаями народа, в соответствии с гением поэта. Это и была идея учиться у образцовых поэтов оригинальности.

В комментариях к трактату Лонгина И. И. Мартынов не отвергает правила, если они лишь управляют тем неповторимым, что дала поэту природа.¹⁸ Неожиданную опору для новой эстетики дает сам переводимый Мартыновым ритор Лонгин: он допускает подражание как форму соревнования с образцом, как «заем» вдохновения для создания оригинальных произведений. В примечании к этому месту Мартынов, высоко оценив Державина, Хераскова, Княжнина, Дмитриева, Карамзина, прямо наносит удар «рабским подражателям» последнего.¹⁹ В «Московском Меркурии» (1803 г.) сразу же появилась рецензия, в которой несколько раз повторено, что истинно возвышенный поэт ни в чем не обязан риторике — «единственно простым, естественным выражением великой мысли, как будто вдохновенной, неожиданно приводит в невольный восторг, торжествует над холодным, сомневающимся слушателем».²⁰ Мерзляков в «Слове о духе, отличительных свойствах поэзии первобытной...» утверждает: нужно подражать образцам, но это значит творить новое, т. к. объект всегда нов.²¹ И. Левитский за подражание, но «подражатель достиг своей цели, когда произведение его имеет вид совсем новый».²² Н. Язвицкий уже прямо отвергает правила: основа искусства — язык страстей, чувство.²³ И. Муравьев-Апостол различает вкус к изящному, который «неизменно принадлежит вообще всем векам, всем просвещенным народам», и вкус, «который особенно составляется по характеру каждого народа, по нравственным его свойствам и по образу правления».²⁴ О. Сомов отказывается от правил: в природе нравственной и физической многое нравится безусловно, так должно быть и в поэзии. Сомов отличает поэзию подражательную от оригинальной, народной.²⁵ По мнению Кюхельбекера, уж если лучшие поэты Франции подражали, то подражать можем и мы, но для

¹⁸ О высоком или величественном. Творение Дионисия Лонгина. СПб., 1803, с. 47.

¹⁹ Там же, с. 102—103.

²⁰ Московский Меркурий, 1803, III, август, с. 129.

²¹ Мерзляков А. Слово о духе, отличительных свойствах поэзии первобытной... с. 28.

²² Левитский И. Курс российской словесности для девиц. СПб., 1812, ч. 1, с. 99.

²³ Язвицкий П. Введение в науку стихотворства. Б. м., 1811, с. 6—7.

²⁴ Сын Отечества, 1813, № 44, с. 221.

²⁵ Сомов О. О романтической поэзии, с. 2.